

УДК 801.73

**СПЕЦИФИКА ВОПЛОЩЕНИЯ ДЕТСКОЙ ТЕМЫ
В СОВРЕМЕННОМ ОТЕЧЕСТВЕННОМ ФЭНТЕЗИ**

© 2014 г.

В.А. Романов

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Саранск

romanowladimir@bk.ru

Поступила в редакцию 04.06.2014

Анализируется специфика преломления детской темы в современном отечественном фэнтези. Герой-ребенок в фэнтези открывает для себя новое пространство, оптика его взгляда заставляет воспринимать увиденное впервые как некое открытие. Установлено, что в прозе Перумова, Шушпанова, Столярова представлены различные типы героя-ребенка: ребенок-мститель, ребенок-спаситель, ребенок-искатель. Все они достаточно быстро взрослеют, теряют невинность и чистоту.

Ключевые слова: жанр, образ, роман, традиция, фэнтези.

Детская тема воплощена во многих произведениях русских и западноевропейских писателей, характеризуя как «взрослую», так и собственно «детскую» литературную традицию. Актуализируется она и в рамках фэнтези, где дети играют ключевую, сюжетообразующую роль в так называемом детском фэнтези. Объектом нашего исследования является «взрослая» литература фэнтези, поскольку именно в ней тема детства получает весьма оригинальное решение, отличное от принципов ее воплощения в других литературных жанрах. В образной системе фэнтези, в которых дети играют принципиально важную роль, условно можно выделить два основных способа представления детского мироощущения и миропонимания и соответственно разделить произведения на две условные группы.

К первой группе относятся произведения, в которых образ ребёнка воспроизведен в привычном для него и для других мире, но при определенных обстоятельствах сталкивается с необычным (например, «Гарри Поттер» Дж. Роулинг в зарубежной литературе; «Таня Гроттер» и «Мефодий Буслаев» Дмитрия Емца, «Камень без меча» А. Шушпанова, «Мальчик и тьма» С. Лукьяненко, «Детский мир» А. Столярова – в русской).

Во вторую группу могут быть включены произведения, в которых необычный мир является привычным для ребёнка (например, «Песнь льда и пламени» Дж. Р. Р. Мартина, сага о Ведьмаке А. Сапковского в зарубежной литературе; цикл об Упорядоченном Ника Перумова, «Дозоры» С. Лукьяненко – в русской).

Общей объединяющей произведения первой группы проблемой оказывается «покинутость», а героем – ребенок, обреченный на одиночество в обыденном мире. Это ребёнок, лишившийся

родителей, либо находящийся с ними в конфликте, он – жертва мира взрослых. Результатом становится ощущение дискомфорта в реальном мире и бессознательный поиск своего Неверленда. Конфликту произведений подобного рода свойственен своеобразный налет романтизма, проявляющийся в довольно резком противопоставлении бренного, обыденного мира, в котором никому нет до тебя дела, чудесному, где могут воплотиться все мечты и желания, где каждый может стать героем.

Столкновение героя-ребенка с необычным может происходить в двух вариантах: либо герой перемещается в другой мир (ребёнок находит необычное), либо в привычном ему мире происходят «странные вещи» (необычное находит ребёнка). Поэтому дальнейшее использование нами терминов «новый мир» и «чужой мир» условно.

Восприятие ребенком «чужого мира» происходит по-разному. Одни дети сразу же приобщаются к необычному. Другие проходят стадию отрицания и долго втягиваются в авантюру. Так или иначе, ребёнок оказывается в центре событий. И, как правило, при любом из этих вариантов развития сюжета ребенок не подготовлен к опасным и невероятным авантюрам. Несмотря на то что зачастую «Неверленд» оказывается полным опасностей, он для героя роднее, приемлемее мира реального, ведь именно здесь он приобретает то, чего так не хватало: новую семью, настоящих друзей («Таня Гроттер» Дм. Емца, «Камень без меча» А. Шушпанова, «Мальчик и тьма» С. Лукьяненко).

До столкновения с необычным образ ребёнка в фэнтези схож с каноническим: в отечественной словесности (от Достоевского и Толстого до Ремизова, Сологуба и др.) ребенок рассматривается «носителем таких качеств, как

нравственная чистота, близость с природой, невинность. Детей нередко сравнивают с ангелами, говоря не столько об их внешней красоте, сколько о непорочности, непричастности социальному, навязанному миром взрослых злу в силу “нежного” возраста» [1, с. 151]. Затем, равно как и в романе воспитания, происходит отчетливо выраженное становление героя, эволюция его сознания. Одним из сюжетообразующих в этом случае является мотив ребёнка-спасителя (например, Кукушкин в романе «Камень без меча» А. Шушпанова). Иногда он вводится посредством пророчеств, предсказаний – именно такой герой в данных обстоятельствах должен «спасти мир». Иногда – это проявление воли персонажа: видя зло, он борется с ним (Данька из «Мальчика и тьмы» С. Лукьяненко).

«Покинутость» также характерна и для второй группы, но проявляется несколько иначе. Перед героем изначально суровый мир, полный опасности, в котором дети часто остаются сиротами. В соответствии с этим, здесь могут сочетаться мотивы ребёнка-мстителя и ребёнка-искателя (роман Ника Перумова «Дочь некроманта»).

В отличие от остальных поджанров, в эпическом фэнтези часто показывается не определённый промежуток жизни героя, во время которого происходит основное событие авантюрного характера, а этап становления персонажа, охватывающий период взросления, от детских лет до зрелости. Повествование о жизни персонажа в целом носит линейный характер, но нередко расширяется за счет вкрапления воспоминаний. Когда же главным героем является взрослый человек, в повествование включаются фрагменты, рассказывающие о каких-то событиях из его детства. Этот прием обычно используется для обоснования мотивов поступков или характера действующего лица. В отличие от первой группы, дети здесь изначально сильны, закалены уже обстановкой, в которой вынуждены существовать. Они с детских лет обречены принимать решения и совершать поступки, на которые не способны и многие взрослые.

Стоит также отметить специфическую особенность, характерную для обеих групп, – в фэнтези дети необязательно являются людьми, они могут принимать образы драконов, эльфов, гномов и др., что определяет и специфику конструирования образной и мотивной структуры сюжета произведения.

В романе А. Шушпанова «Камень без меча» главный герой – подросток. Саша Кукушкин – сирота, который живет с бабушкой. Выбрав опасную дорогу для того, чтобы «испытать характер», он встречает рыцаря Ланселота. Любитель фантастики Кукушкин уже давно бессозна-

тельно искал встречи с необычным. Он с радостью впускает в свою жизнь то, что раньше ему казалось фантастикой: «Вдруг его кольнуло страхом, что Ланселот не придет» [2, с. 32]. Он с детской инфантильностью слушает все рассказы рыцаря, боясь, что все они могут оказаться неправдой. Ланселот понимает, что перед ним ребенок, и пытается легко объяснить сложные вещи, например, сравнивая Эскалибур с Амбером: «Так вот, Эскалибур, он как Амбер. В нашем мире присутствуют только его отражения» [2, с. 26]. Но он также понимает, что эта встреча не могла быть простой случайностью, что Кукушкин – не обычный школьник, и ему приходится «открыть дорогу» своему новому оруженосцу в мир, полный опасности. Ланселот учит Кукушкина сражаться, но и сам многому учится у него – прежде всего детской доброте и милосердию. Хотя Озерный рыцарь и является пособником добра, но годы трудной жизни сделали его жестоким. Неудивительно, что настоящим носителем добра в романе является именно подросток. Он отвергает принцип «меньшего зла», стараясь исключить зло вообще. Кукушкин – это ребенок-хранитель, хранитель добра. «Покинутость» не ожесточила его, а, наоборот, научила милосердию. На протяжении романа мы наблюдаем изменение героя (он становится отважнее, сильнее, принципиальнее), но неизменным остается его главный нравственный принцип – следование дорогой добра.

Образы героев-детей, созданных в произведениях жанра эпического фэнтези и условно отнесенных нами ко второй группе, представлены в творчестве Ника Перумова: Хаген в «Гибели Богов», Арьята и Трогвар в «Воине Великой Тьмы», Ками, Аратарн, Лидаэль в «Земле без радости», Рысь, Аэсоннэ, Фэйруз, Сильвия Нагваль в цикле «Летописи разлома», Ярмина в романе «Тысяча лет Хрофта» и Лейт-Ниакрис в повести «Дочь некроманта» и др. Примечательно, что практически все из названных персонажей – сироты.

Например, роман «Дочь некроманта» – это история девочки, обреченной на то, чтобы нести в своей душе только чувство мести. Она рано теряет родителей: мать и бабушку убивает её собственный отец. Сколько нужно сил, чтобы увидеть смерть близких людей и при этом продолжать жить? Конечно, о дальнейшем нормальном существовании не может быть и речи. Героиня, вдохновленная идеей мести, берет новое имя. Изменение имени символизирует метаморфозу, происходящую с героиней: «Ниакрис. На языке эльфов нечто больше, чем ненависть, чем боевое безумие, чем ярость. Ниакрис – это то, что двигает человеком, когда тот идет

мстить, будучи готов уплатить куда более высокую цену, чем собственная жизнь» [3, с. 46]. Это маска, за которой героиня прячет душу ребёнка. Месть овладевает девочкой настолько, что она отбрасывает нравственность, – неважно кто пострадает, главное, чтобы цель была достигнута. Автор не даёт оценки поступкам героини, поскольку в данном случае для него важнее не мораль, а психологический анализ внутреннего мира ребенка. Символично, что на протяжении повествования Ниакрис редко остаётся одна, она постоянно встречает новых людей, но при этом остается одинокой. Детство героини – метафизическое одиночество. И ради преодоления этого одиночества, уже будучи девушкой, она даже готова на сближение с человеком, оказавшимся миньоном её Врага.

Иную сторону одиночества раскрывает автор в образе Сильвии Нагваль. Так же, как и Ниакрис, она сирота, потерявшая близкого родственника – дедушку. Но вместе с дедушкой погибает и его убийца. У героини при этом не возникает желание мстить миру – ею движут иные мотивы. Девочка занимает высокое положение в социальной иерархии, она избалована. Сильвия хочет быть лучше, сильнее других и жаждет власти. Центральный конфликт произведения построен на разрешении противоречия в душе героини, где борются добро и зло. Стоят ли её желания того, чтобы переступить через других? Сильвия говорит себе, что да. Она ведет себя жестко, совсем не по-детски и поступает порой безнравственно. Но, пытаясь обмануть других, она обманывает и себя. Сильвия просто прячется под маской взрослого человека. Вместе с плохими поступками она совершает и хорошие: приходит на помощь тогда, когда не обязана. В финале Сильвия приносит себя в жертву, помогая Миру, несмотря на то что после этого может навсегда остаться уродливым чудовищем. Этот поступок, на наш взгляд, раскрывает суть героини – она ребёнок-жертва: хотя в процессе развития сюжета именно события внешнего мира определяли ее отчасти жестокое поведение, в финале Сильвия добровольно жертвует собой, проявляя тем самым истинную суть.

Образ Аэсоннэ из цикла «Хранитель мечей» примечателен тем, что она не человек, а дракон. Согласно перумовской неомифологии романов об Упорядоченном, драконы могут принимать любой человеческий облик, поэтому героиня выбирает образ подростка. Её мать погибает, но родителей ей заменяет маг Неясыть. Заметим, что это один из немногих персонажей-детей у Перумова, воспитание или изменение которого, а именно взросление, происходит под воздейст-

вием обстоятельств. Симптоматично, что из всех героев-детей именно ребёнок-дракон, а не ребёнок-человек является носителем искренности, чистоты и невинности. Несмотря на гибель матери, этот ребёнок не ощущает себя покинутым. Аэсоннэ предана своему приёмному родителю и жертвует «нормальной» жизнью ради того, чтобы оставаться с человеком, который ей дорог, вечно охраняя его покой. Кроме того, в этом романе обыгрывается образ девочки-нимфетки: Аэсоннэ влюбляется в своего родителя не только детской любовью. Пародийность этого образа заключается в том, что юная драконица может принять облик и взрослого человека, в некотором смысле она «псевдорёбенок». Но конфликт набоковской «Лолиты» у Перумова не разворачивается: отношения героев так и остаются отношениями отца и дочери.

В этом же контексте стоит упомянуть повесть А. Столярова «Детский мир». В основе конфликта повести – история о том, чем чревато недопонимании между взрослыми и детьми. Завязка сюжета строится на сообщении о том, что в небольшом провинциальном городе начинают пропадать дети, умирают взрослые люди. Именно стремлением предотвратить будущие жертвы и разобраться в происходящем мотивировано желание маленького главного героя стать взрослым: «– Слушай, Дрюня, а ты кем собираешься стать, когда вырастешь? <...> – Я хочу стать взрослым, – тихо сказал он». [4, с. 203]. Желание скорейшего взросления обусловлено и недопониманием Андрея его близкими: в частности, его вера в необычайное противопоставлена отцовскому скептицизму. Однако, как подчеркивает автор всем ходом сюжетного развития, родители могут помочь преодолеть ребенку тотальное одиночество, если попытаются понять его, разделить с ним веру в чудо.

Актуализация детской темы в жанре фэнтези связана прежде всего с тем, что, как и в предшествующей литературной традиции, герой-ребенок в фэнтези открывает для себя новое пространство, оптика его взгляда заставляет воспринимать увиденное впервые как некое открытие, происходит, по выражению С.А. Голубкова, «тотализация своего мира» [5, с. 14], который кажется всеобъемлющим. С другой стороны, в фэнтези в условиях необычного мира, чья реальность сурова и построена по «взрослым» законам, герой-ребенок, представленный типами ребенка-мстителя, ребенка-спасителя и ребенка-искателя, гораздо быстрее взрослеет, теряет невинность и чистоту, тогда как взрослые герои фэнтези, напротив, в поисках собственного пути, правды, предназначения, нередко обретают черты «детскости».

Список литературы

1. Осьмухина О.Ю., Казачкова А.В. Специфика воплощения «детской» темы в современной отечественной прозе: многообразии рефлексивных практик // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. № 6. С. 151–162.
2. Шушпанов А. Камень без меча. М.: Эксмо, 2012. 352 с.

3. Перумов Ник. Дочь Некроманта. М.: Эксмо, 2009. 352 с.
4. Столяров А. М. Изгнание беса: фантастические произведения. М.: Эксмо, 2005. 960 с.
5. Голубков С.А. Об особенностях реконструкции детского сознания в литературе: специфика пространственных моделей // Коды русской классики: «детство», «детское» как смысл, ценность и код: материалы IV Междунар. науч.-практ. конференции / Отв. ред. Г.Ю. Карпенко. Самара, 2012. С. 11–18.

**SPECIFIC FEATURES OF THE PRESENTATION OF THE THEME OF CHILDHOOD
IN MODERN RUSSIAN FANTASY**

V.A. Romanov

This article analyzes some specific features of the presentation of the theme of childhood in modern Russian fantasy. The child protagonist of fantasy discovers a new space for himself and perceives everything he sees for the first time through the optics of his sight as a kind of revelation. In the prose of Shushpanov, Perumov and Stoljarov, different types of child protagonists are described: child-avenger, child-savior, child-searcher. All of them reach adulthood quite fast and lose their innocence and purity.

Keywords: genre, literary image, novel, tradition, fantasy.

References

1. Os'muhina O.Ju., Kazachkova A.V. Specifika voploshhenija «detskoj» temy v sovremennoj otechestvennoj proze: mnogoobrazie reflektivnyh praktik // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2012. № 6. S. 151–162.
2. Shushpanov A. Kamen' bez mecha. M.: Jeksmo, 2012. 352 s.

3. Perumov Nik. Doch' Nekromanta. M.: Jeksmo, 2009. 352 s.
4. Stoljarov A. M. Izgnanie besa: fantasticheskie proizvedenija. M.: Jeksmo, 2005. 960 s.
5. Golubkov S.A. Ob osobennostjah rekonstrukcii detskogo soznaniya v literature: specifika prostranstvennyh modelej // Kody russkoj klassiki: «detstvo», «detskoe» kak smysl, cennost' i kod: materialy IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konferencii / Otv. red. G.Ju. Karpenko. Samara, 2012. S. 11–18.